

Из исторического и краеведческого наследия В.Г. Цветкова

Владимир
ЦВЕТКОВ

Цветков Владимир Георгиевич. Подполковник милиции, мастер спорта СССР по городкам. Член Союза писателей России, лауреат премии Нижнего Новгорода. Автор многих книг. Умер 5 января 2014 года. Похоронен в Нижнем Новгороде.

ПЕВЕЦ РУССКОГО ДУХА

(О художнике Викторе Михайловиче Васнецове)

*«Я всегда только Русью и жил...»
В.М.Васнецов*

В прошлом мне часто приходилось бывать в Кирове, далеко забираться в вятскую глубинку. Название этого областного центра за свою историю претерпело не одно изменение. Вначале было село Ивановское, затем город Хлынов, переименованный позднее в Вятку, по протекающей рядом судоходной реке. Оно оказалось наиболее удачным, по сей день сохраняясь в названиях фирменного скорого поезда Киров-Москва и всем известной стиральной машине. Своё нынешнее имя город получил уже в советское время, благодаря известному земляку, «Мальчику из Уржума», Сергею Мироновичу Кирову. Причём оно, видимо, всех устраивает даже в наше бурное время переименований и возвращения исторических названий.

Надо сказать, что вятская земля довольно богата в прошлом интересными событиями и фактами, а уж именами тем более. Вятка была местом ссылки М.Е.Салтыкова-Щедрина и А.И.Герцена. В своей известной книге «Былое и думы» последний как раз и повествует о тех днях. Вятская земля знаменита многими именами. Из неё вышли В.М.Молотов (Скрябин) и А.И.Рыков. В Вятской губернии отбывал ссылку И.В.Сталин. На весь мир прославился вятский крестьянин, могучий силач из народа, Григорий Кащеев. Он был в числе трёх русских богатырей, участников чемпионата мира по борьбе 1908 года в парижском театре «Казино», где первое место занял непобедимый Иван Максимович Поддубный, второе – Иван Михайлович Заикин и четвёртое – Григорий Кащеев. Лишь на третье место среди русских борцов сумел протиснуться француз Эмбалу де-ля Кальметт.

«Это был триумф, наполнивший сердце Ивана Поддубного огромной радостью.

– Я знал, что так будет. Знал, что нам, русским борцам, не придётся краснеть за себя, – говорил Поддубный своим товарищам и неизменно добавлял: – Не нам надо учиться у иностранцев, а им у нас».

Тяга к земле возобладала в Григории Кащееве над всем остальным и он, бросив спорт, вернулся крестьянствовать в родную вятскую деревню, навсегда оставшись в славной истории русского борцовского искусства. Интересно, что этот памятный чемпионат мира по борьбе в Париже был также и удачным дебютом на международной арене для

знаменитого И.М.Зайкина. Вятчем был А.С.Грин. И я приятно удивился, встретив на здании школы в Мурашах, приютившихся далеко от областного центра на старинной железнодорожной ветке Киров-Пинюг, простенькую доску из белого мрамора, сообщавшую, что знаменитый романтик, за тысячу вёрст мечтавший о море и «Алых парусах», работал здесь истопником. Но больше всего поразил Кировский краеведческий музей: в его скромной экспозиции, посвящённой Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, в качестве замечательных земляков были представлены сразу три Маршала Советского Союза – А.С. Конева, А. А. Говорова и К.А.Мерецкова, заканчивавшие своё участие в великой войне в качестве командующих фронтами! Вместе с ними в экспозиции был ещё и Главнокомандующий Главным маршалом авиации К.А.Вершинин.

Когда же приходилось бывать в Зуевке, мне постоянно гордо говорили, что недалеко от неё родился В.М.Васнецов и есть музей великого русского художника. Вообще-то Васнецовых было два брата и оба художники – Аполлинарий и Виктор, но на весь мир прославился больше последний. К сожалению, мне из-за занятости так ни разу и не удалось побывать в этом музее, но память осталась. Тем приятнее обратиться к личности выдающегося русского живописца, оставившего такой яркий и неповторимый след в истории отечественного и мирового изобразительного искусства.

Виктор Михайлович Васнецов родился 3(15) мая 1848 года в селе Лопьял Вятской губернии в семье сельского священника. Вскоре Васнецовы переехали в село Рябово, где прошло детство художника. Образование он получал, как принято, сначала в Вятском Духовном училище, а по его окончании в 1862 году поступил в Вятскую Духовную семинарию, откуда ушёл в 1867 году из предпоследнего философского класса. Его склонность к рисованию проявилась рано. Поэтому, повзрослев, и, испросив благословения у родителей, юный Виктор в том же году твёрдо направился в Санкт-Петербург для поступления в столичную Императорскую Академию Художеств. 1868-1875 годы ушли на учёбу в стенах этого заслуженного высшего учебного заведения старой России. Учителями молодого Васнецова стали две академические знаменитости – опытный художественный педагог П.П.Чистяков и И.Н.Крамской. Первый проницательно назовёт имя Виктора Михайловича в числе самых талантливых своих воспитанников.

После Академии, как принято в художественной среде, В.М.Васнецов поехал во Францию, где пробыл около года. Заграница тяготила его, поэтому, вернувшись, он обосновался в Москве. Виктор Михайлович вспоминал возвращение чисто по-русски: «Когда я приехал в Москву, то почувствовал, что приехал домой и больше ехать некуда, – Кремль, Василий Блаженный заставили меня чуть не плакать, до такой степени всё это веяло на душу родным, незабвенным!»

Васнецова привлекают передвижники, с которыми он сближается с самого начала своей творческой деятельности. Прочный фундамент академического мастерства и теоретических знаний уже тогда же проверяются им на бытовых жанровых сюжетах, чем в основном были заняты все коллеги Виктора Михайловича по цеху. Героями его этюдов, эскизов и законченных полотен становятся простые люди, которые очень близки художнику, выросшему среди народа. Кисть Васнецова, присущим только ему почерком, пишет не красками, а душевным состраданием и личной болью. Появляются первые серьёзные работы художника – «Книжная лавочка», «С квартиры на квартиру», «Крестьяне», «Чаепитие», «Военная телеграмма» и «Преферанс». Героями в них, как и в самых первых, ещё домашних, живописных пробах 1867 года «Молочница» и «Жница», являются всё те же самые простые люди. Благодаря явной одарённости автора, уже эти ранние картины имеют очевидный успех и тепло встречаются в художественной среде. Васнецов заявил себя ими как «художник-жанрист, наблюдательный и вдумчивый быто-

писатель народной жизни». Виктора Михайловича поздравляли, ждали от него продолжения прекрасно начатого.

Однако взыскательный талант крупного мастера был не удовлетворён. Художник быстро понял, что эта протоптанная дорога не его и к удивлению собратьев по творчеству резко порвал с жанром бытописания. Вскоре из под кисти Васнецова появились совсем другие полотна с неожиданными темами сказок, былин, народных преданий и исторических событий: «После побоища Игоря Святославовича с половцами» и «Ковёр-самолёт» (1880); «Три царевны подземного царства», «Алёнушка» и «Бой скифов со славянами» (1881), «Витязь на распутье» (1882). Тогда же появился его огромный и знаменитый фриз для Исторического музея «Каменный век», заказанный графом А.С.Уваровым. Оторопевший знаток и меценат, покровитель многих талантов, Савва Иванович Мамонтов, заказавший, было, «Царевен» забраковал картину. Спустя много лет её купил другой меценат с Украины, Иван Николаевич Терещенко, и увёз в Киев, где прекрасная работа Васнецова стала украшением местного музея.

Однако душевные терзания и мучительные поиски Васнецовым своего и только своего пути в живописи, согласного с совестью и тем, что было заложено в его существо с детства, впитано с молоком матери, полюбилось с родных пейзажей окружающей русской природы, не очень-то волновало сообщество художников. Оно просто-напросто осудило своего собрата за ненужные чудачества, считая, что он зря занялся посторонним делом.

Правда, о Васнецове заговорили громче, заспорили, потому что «он так ярко выделился на фоне передвижников с их твёрдо установившимся «канонem». Новый путь художника был многим непонятен, так как в памяти стоял недавний успех «Преферанса» и других первых работ, которые сразу понравились. Некоторые искренне «пожалели о потере для русского искусства совершенно оригинального живописца-бытовика. Поэтому «появление его «Трёх царевен подземного царства»... с одинаковым увлечением поносили как «западники», так и «славянофиль». По свидетельству будущего академика живописи и младшего современника Виктора Михайловича, М.В.Нестерова: «Ругали их и неистовый Стасов, и горячий патриот Иван Сергеевич Аксаков в своей «Руси». Стасов кричал: «Так и Василий Петрович Верещагин напишет!» (малодаровитый профессор Академии художеств, писавший на темы былин и русской истории – В.Ц.).

Ученики Училища живописи, ваяния и зодчества Москвы, где «злополучные «Царевны» выставлялись в его стенах, критиковали их нещадно». Среди них был и молодой тогда М.В.Нестеров, признававшийся потом: «Я не любил его «Слово о полку Игореве», ещё больше не любил этих «Трёх царевен». Гуляя по выставке, я не оставлял в покое своего «врага» с его царевнами! Но блестящий, от Бога данный, талант настойчиво искал выхода в настоящем и вечном. Плоть от плоти народа художник явственно видел его тонкую и ранимую душу, богатырскую мощь духа и неиссякаемую удачу и силу.

«Что в искусстве может утаться художнику? – риторически вопрошал на сей счёт В.В.Стасов и сам же отвечал. – Только то, что ему бог знает как близко и твёрдо знакомо, что претворилось в его плоть и кровь».

Ещё в 1870 году Виктор Михайлович создаёт акварель «Витязь», изображающую легендарного богатыря, рисует иллюстрации к сказкам «Жар-птица» и «Конёк-горбунок». Новые темы Васнецова не являли собой одно только обыкновенное обращение к отечественному эпосу и фольклору, а использовались им для прикровенного показа русского народа, его широкой души, безгранично дорогих для художника. Отсюда все васнецовские полотна насквозь аллегоричны и показывают русского человека во всём многообразии его чувств, проявлений и переживаний. Они раскрывают его светлую душу, добрый нрав и характер, неизбывную силушку.

Не довольствуясь полученными в Академии знаниями, Васнецов принимается за глубокое изучение родной истории, народного творчества, одежды и оружия. Ведь Россия отстояла свою независимость в непрерывных войнах, отражая захватнические поползновения внешнего врага, который нередко шёл на страну со всех сторон, а то и объединённой коалицией всей Европы. Громадная подготовительная работа как раз и вылилась в могучую серию живописных полотен Васнецова, появившихся в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века, и приведённых выше. За их фольклорными, былинными, сказочными и историческими мотивами выделась Святая многострадальная Матушка-Русь, её верные сыны и дочери, жертвенно любящие родную землю и мечтающие о её счастье и процветании. Поэтому большая картина о поражении русского князя от половцев, навеянная, как правильно понял М.В.Нестеров, замечательным памятником древнерусской литературы «Словом о полку Игореве», вселяет не скорбь и уныние – наоборот, это гимн мужеству, героизму и стойкости русских людей, воинов и защитников своей земли. Даже погибшие в неравной схватке, они по-прежнему сильны и красивы у Васнецова и всё так же страшны для врага, как страшно ему и сегодня прошлое великой России.

Казаюсь бы, трагическая тема, горестный финал, но художественный гений творца утверждает ими непобедимость русских, свято верит в их грядущие победы. Ибо, как очень точно писал Ф.И.Тютчев, что рассудочным, рационалистическим сознанием, умом, невозможно понять непостижимое. А Россия – непостижима. В неё, как в тончайший духовный организм, можно и нужно только верить. И эта вера, как вера в Бога, никогда не обманет. Никогда не окажется тщетной. Тому свидетельством вся тысячелетняя история нашего родного Русского Отечества, которое не раз, подобно Фениксу, восставало из пепла и руин и с каждым разом становилось ещё сильнее и страшнее для врагов.

Апофеозом, главным трудом жизни выдающегося русского живописца, конечно же, стали знаменитые «Богатыри» или точнее «Великая застава богатырская». Как и гениальный А.А.Иванов, Васнецов трудился над своей великой картиной с перерывами двадцать лет. Любимые герои русского эпоса – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович – воплощают в себе все лучшие качества русского народа: его душевное благородство, беззаветную любовь к Родине, непреодолимую силу, ум и отвагу. Индивидуальные особенности характеров каждого отдельного богатыря лишь подчёркивают необъятное своеобразие русского народа-богоносца, широту и щедрость его природной природы и взглядов, деятельный ум и находчивость, бесстрашие, скрытые под спудом силу и мощь.

Полотна, подобные «Трёх богатырям», лишены частной темы и узкой трактовки. Они общенациональны и давно стали символом патриотического служения православной Отчизне. Символом её самой. Потому что за каждым из них встаёт Русь, современная Россия, которую они собой зримо олицетворяют. И, глядя на величественное полотно художника, не требуется слов. Их заменяют нахлынувшие чувства прикосновения к прекрасному, потому как Россия – прекрасна всегда, как всегда прекрасна для младенца его мать.

Общенациональный символизм художественного наследия Васнецова ставит его особняком в истории отечественного изобразительного искусства. Делает художника самобытным и абсолютно непохожим на других, потому что Васнецов лучше чем кто-либо проникся сутью своей великой Родины, понял душу народа, став певцом непобедимого русского духа, так ненавистного всяческим даллесам, бжезинским и иже с ними. И именно у главных полотен Васнецова невольно вспоминается пушкинское: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»!

«Богатырь русской живописи», как назвал художника А.М.Горький, «В.Васнецов создал другой мир образов, хотя черпал их в той же русской

старине. Его картины пропитаны ароматом старины, но это совсем другой, особый аромат, не суриковский, а именно васнецовский, – отмечает художник Семён Чуйков. – Тут веет былинной, народным преданием. Былинный, сказочный дух настолько свойственен был В.Васнецову, насколько он был им пропитан, что кажется, всё, к чему бы он ни прикоснулся, начинало петь, или, вернее, «сказывать»!

«Источник силы искусства Виктора Михайловича Васнецова, секрет его долголетней и незыблемой популярности, – вторит С. А.Чуйкову другой автор, – в крепкой и многосторонней связи художника с народным творчеством, великим знатоком которого он был. Влечение Васнецова к сокровищнице народного эпоса было неизменным. Из неё он черпал сюжеты многих своих произведений»!

Но, пожалуй, лучше всех понял Васнецова великий полпред русского искусства С.П.Дягилев, познакомивший Европу, а затем и весь мир с Ф.И.Шаляпиным, триумфальные концерты которого он устраивал за рубежом; с русскими живописцами Л.С.Бакстом, А.Н.Бенуа, Е.Е. Лансере (к сожалению, ему пришлось выбирать и учитывать подготовленность заграничного ценителя художественного творчества к восприятию русского изобразительного искусства, что заставило Сергея Павловича остановиться именно на этих художниках – В.Д.); с русской оперой и балетом. Великолепный знаток и почитатель талантов С.П.Дягилев создал журнал «Мир искусства», став его редактором. В своей статье «Выставка в Гельсингфорсе», опубликованной в 12-м номере своего детища за 1899 год, он «прозорливо указал на общий смысл художественных исканий, связанных с именем В.М.Васнецова: «За последние годы в нашей живописи также чувствуется поворот к сознанию национальной силы. Недаром начали понимать Васнецова и всё значение его личности. Его призыв к русскому духу в нашем искусстве не останется без отклика. И если мы, пройдя через всю горечь того, что до сих пор называлось русским стилем, всё-таки вернулись к исканию своего искусства, то это многозначительно и этим мы обязаны проповеди Васнецова»!

Действительно, не раз упоминавшийся М.В.Нестеров, как и многие другие, например, не сразу «прозрел» в правильном восприятии васнецовского поворота и долго не понимал его. Он не скрывает своего заблуждения и искренне признаётся в нём:

«Далеко не сразу прозрел я в своём непонимании васнецовского искусства. Завеса с глаз моих, однако, спала, и я увидел красоту, которую он принёс с собой в мир, понял, насколько он может быть дорог нам, почувствовал весь лиризм, всю музыкальность его русской души. И тогда стал таким же его хвалителем, каким был раньше хулителем...», «...узнав и полюбив Васнецова, – добавляет Михаил Васильевич, – я стал душевно богаче, увидел обширное поле красоты!» «Твоя позиция насчёт Виктора Васнецова правильна, – писал он тогда одному своему приятелю. – Это художник и большой! Если бы он написал только «Алёнушку», «Каменный век» и алтарь Владимирского собора, – то и этого было бы достаточно для того, чтобы занять почётную страницу в истории русского искусства. Десятки русских выдающихся художников берут своё начало из национального источника – таланта Виктора Васнецова. Не чувствовать этого – значит быть или нечутким вообще к русскому самобытному художничеству, или хуже того – быть недобросовестным по отношению своего народа, его лучших свойств, коим выразителем и есть Васнецов...»!

Весьма примечательной фигурой того давнего времени был знаменитый газетный репортёр В.А.Гиляровский, которого хорошо знала вся культурная интеллигенция. И не только знала, но почти вся перебивала на его квартире в Столешниковом переулке. В «Столешниках», как говорили тогда, были А.П.Чехов, А.И.Куприн, И.А.Бунин, И.И.Левитан, И.Е.Репин, Ф.И.Шаляпин, А.И.Южин и многие другие представители русской культуры. Не раз бывал там и Виктор Михайлович. Владимир

Алексеевич очень любил Васнецова за его умение «сочетать в своём творчестве эпический размах с необычайным лирическим чутьём русского пейзажа». Особенно часто «дядя Гиляй», как звали Гиляровского, вспоминал выставку В. М. Васнецова в Историческом музее в 1912 году. Многим современникам В.М.Васнецова она запомнилась. Гиляровский, потрясённый выставкой, на которой «художник блистал во всём многообразии поисков и достижений, на следующий же день поделился в печати своими впечатлениями о выставке:

«В первый раз публика на этой выставке может видеть Виктора Михайловича как портретиста... Есть чудные акварели и рисунки. Огромное полотно «Баян» поражает своей силой. На Ольговом кургане князь с княжичем и дружиной. Баян играет на гусях и поёт о подвигах князей и витязей. Далее за курганом Олега степь бескрайняя и виден низкий берег Днепра. Далёкой былиной дышит от этого полотна, напоминающей славное время былинное и юность ученическую каждого, увлекающегося и песнью о Вещем Олеге и подвигами богатырей княжеских... серьёзные лики седых бойцов в железных шеломах – это про них поёт вдохновенные песни Баян. Сколько душевной теплоты во всех его картинах»!

В 1921 году В.А.Гиляровского на выставке Союза русских художников восхитила картина В.М.Васнецова «Один в поле воин»: с вытянутым вперёд копьём мчится по полю всадник на засевшего в тростниках врага. Тут же на выставке он вручил Виктору Михайловичу свой стихотворный экспромт к этой картине, «Одному в поле воину, – писал В.А.Гиляровский в посвящении, – В.М.Васнецову.

*Один в поле воин –
Один богатырь,
Его не пугает бескрайняя ширь,
Пусть стрелы летят в него грозною тучей,
Не страшно ему: удалой и могучий
Летит исполин – в поле воин один.*

Вдохновенные полотна В.М.Васнецова после долгого и трудного преодоления непонимания и поношений, наконец-то, силой изображённых на них образов и выдающегося мастерства художника привлекли внимание всех, понимающих толк в искусстве. В итоге уже на «исходе прошлого века В.М.Васнецов завоевал общее признание и у художников-реалистов старшего поколения, и у ревнителей «новой школы», объединившихся вокруг журнала «Мир искусства». В большой статье «Характерные течения современной русской живописи», опубликованной в январской книге журнала «Жизнь» за 1899 год, П.Н.Ге охарактеризовал В.М.Васнецова как «художника-идеалиста», совершенно своеобразного и особенного мастера, увлечённого временами сказочной доисторической Руси.

«В.М.Васнецов в душе реалист, и, не будь он реалистом, он не был бы чисто русским человеком, потому что простота, естественность и безыскусственность формы во всех проявлениях жизни представляет отличительную черту русского человека. Васнецов любит русского человека и наблюдает его жизнь, но по особенному складу своего характера он обратил внимание не на ежедневные его поступки, а на те мысли и образы, которые находятся у него в голове, причём, он эти мысли, как вполне русский человек, связанный кровными узами с народом, изобразил не со стороны, как посторонний наблюдатель, а непосредственно от своего лица. В этом источник всей силы и цельности его произведений или, лучше сказать, одного громадного произведения всей его жизни»!

В том же 1899 году в стенах Академии художеств была устроена выставка В.М.Васнецова, где впервые были показаны его «Богатыри», а также известные картины – «Витязь на распутье», «Битва русских со

скифами», «Брянские леса», «Снегурочка» и другие. Тогда же в дягилевском журнале «Мир искусства» был воспроизведён эскиз В.М.Васнецова «Витязь у трёх дорог», который произвёл сильное впечатление на И.А.Бунину. Своё стихотворение «На распутье», написанное под впечатлением этой картины, он посвятил В.М.Васнецову.

История же самой картины «Витязь на распутье» весьма сложна – художник потратил многие годы, чтобы приблизиться к осуществлению своего замысла. Эскиз, воспроизведённый журналом, знатоки сочли одним из лучших по выдержанности тона и цельности композиции. Кстати, интерес И.А.Бунина к этой васнецовской работе проявился совсем не случайно. Дело в том, что обращение к национально-исторической теме отвечало не только внутренним стремлениям самого поэта, но и общим устремлениям русской поэзии того времени. Судьба России как национального целого, приковавшая внимание В.М.Васнецова, волновала многих. Высказывались самые разные прогнозы её исторической роли в прошлом, о её настоящем и будущем! Это-то и заставило М.В.Нестерова, как и многих других, признать Васнецова за «большого поэта, певца далёкого эпоса нашей страны, истории нашего народа, родины нашей»!

«С Васнецовым в русскую живопись вошёл мир русской сказки, мир света и правды, неперменного торжества добра над злом!» «Всю жизнь Васнецов – и это стало главной, ведущей идеей его творчества – стремился найти такой образный лад и изобразительный язык, которые выразили бы в этих сказочных и легендарных сюжетах черты национального характера, присущие народу лиризм, поэтичность и душевную чистоту, мужество и патриотизм, постоянную готовность к ратному подвигу во имя свободы и независимости родной земли!»

Богатырь в представлении подавляющего большинства людей – это прежде всего воплощение смелости, отваги и физической силы. В.М.Васнецов видел богатырём весь русский народ, наделял его в своих дивных полотнах самыми прекрасными качествами, пронесёнными им через века. Но народные образы вместе с пейзажами – это ещё и Русь, которая узнаётся даже в очаровательной крестьянской девочке «Алёнушке», такой же чистой, скромной и застенчивой. И, естественно, когда возник вопрос о форме для русских войск, готовившихся успешно завершить Первую мировую войну, а победа России в ней ни у кого не вызывала ни малейшего сомнения, все взоры обратились к В.М.Васнецову. Он и стал её разработчиком, все же полагая, что его детище оденут на себя какие-то «красные», а шлемовидная шапка станет знаменитой будённовкой.

Несмотря на необыкновенное богатство России талантами уникальный дар В.М.Васнецова не мог появиться без веры или вне её: он вырос из святоотеческого исповедания, из Православия. Впитав её с детства, художник всю жизнь был глубоко религиозным православно верующим человеком и абсолютным бессребренником.

Трудно себе представить, что грандиозный художественный талант, создатель шедевров мировой живописи, В.М.Васнецов, жил всё время очень и очень скромно, в постоянной нужде, едва сводя концы с концами, чтобы пропитать свою семью из четырёх сыновей и одной дочери. Супруга Виктора Михайловича Александра Владимировна была врачом. И семья знаменитого художника для того времени считалась не особенно велика.

Став выразителем русского национального характера, певцом неукротимого духа народа и самой Руси, В.М.Васнецов щедро отдавал свой уникальный талант русским православным храмам, что было для него больше не заработком, потому что деньги там платились незавидные, и не творческой потребностью, а душевной необходимостью. Ещё в Абрамцеве, после перехода имения от И.С.Аксакова к С.И.Мамонтову, где после этого подолгу жили семьями И.Е.Репин и В.Д.Поленов. Где бывали Ф.И.Шаляпин, В.И.Суриков, М.М. Антокольский, Н.Неврев, моло-

дой Валентин Серов, Константин Коровин, М.А.Врубель, Аполлинарий Васнецов, М.В.Нестеров и другие, Виктор Михайлович спроектировал церковь, которую построили там и расписывали общими усилиями И.Е.Репин, брат и сестра Поленовы, а М.М. Антокольский пожертвовал туда свою скульптуру.

Кстати, в Абрамцеве появилась знаменитая васнецовская «Избушка на курьих ножках» и «очаровательные эскизы к «Снегурочке», вызвавшие множество подражаний васнецовскому стилю». Проездом в Киев, туда заглянул профессор по истории искусства Киевского университета и главный руководитель работ по окончанию Владимирского кафедрального собора, мастер слова и предприимчивый делец Адриан Викторович Прахов. Увидев труды Васнецова, он пришёл в восторг и уговорил его принять участие в росписи Киевского кафедрального собора, на что художник ответил согласием. Тем более что кое-какой опыт у него уже имелся: ещё по молодости лет Виктор Михайлович помогал расписывать собор в родной Вятке художнику Андриолли. Была и ещё одна причина. Сокровенная. Однажды, посетив Киево-Печерскую Лавру, Васнецов спустился в пещеры с мощами почивших подвижников веры. Близкое соприкосновение со святостью оставило волнующее неизгладимое впечатление на всю жизнь. Поэтому художник считал своим долгом потрудиться для Киева – колыбели русской государственности.

Владимирский кафедральный собор в Киеве был заложен в начале царствования Государя Императора Александра III Миротворца ещё повелением его деда Царя Николая I по проекту архитектора Беретти. Без отделки не особенно удачное здание выглядело мрачно и неприглядно. Приехав туда, Виктор Михайлович столкнулся с непомерно огромным объёмом работ, который казался выше человеческих сил. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. По свидетельству М.В.Нестерова, много времени в своём творчестве отдавшего духовной теме, за несколько лет «голые стены некрасивого сооружения архитектора Беретти изменились так, что о них заговорили не только дома, в России, но и за границей». В.М.Васнецовым с помощниками «был проделан труд чудовищный по своим размерам»!

А.В.Прахов, видя непосильный труд художника, безуспешно пытался привлечь к нему в помощь ещё кого-нибудь, И.Е.Репина, В.И.Сурикова или В.Д.Поленова, но этого достичь не удалось, если не считать некоторое участие М.В.Нестерова. Все остальные художники были заняты своими делами – работами и заказами. Поэтому по существу основная, львиная часть, объёма росписи собора была выполнена одним В.М.Васнецовым. Там, как гласила молва, он «творит чудеса»! Как раз в Киеве во Владимирском соборе произошло сближение В.М.Васнецова с М.В.Нестеровым. Они встретились прямо на лесах левого края хор, куда поднялся последний. «Мы сердечно здороваемся, целуемся, – вспоминал потом Михаил Васильевич, – и с этой минуты начинаются на долгие годы наши добрые отношения, быть может, дружба, с малыми перебоями, едва ли от нас зависимыми».

Он же оставил любопытный словесный портрет своего знаменитого собрата: «Виктор Михайлович был высок ростом, пропорционально сложен, типичный северянин-вятич с русой бородой, с русыми волосами на небольшой голове; прядь волос спускалась на хорошо сформированный лоб. Умные голубые глаза, полные губы, удлинённый правильный нос. Фигура и лицо 41-летнего Васнецова дышали энергией, здоровьем». Он «умел кратко, умно подтвердить словом то, во что верил как в непреложное»!

Добавим, что Виктор Михайлович обладал здоровым чувством юмора и безобидной иронией. Про С.П.Дягилева, например, он «острил, что его к тому времени уже нечем наградить. Он имеет все знаки отличия до Андрея Первозванного включительно и к коронации (Государя Императора Николая II – В.Ц.) при особом рескрипте будет пожалована соска»!

Неуёмные почитатели В.М.Васнецова всячески славословили его, сравнивая художника с великим итальянцем Рафаэлем де Санти. Виктор Михайлович отделялся от этого благодушной иронией: «ну, где уж там – Рафаэль, хотя бы Корреджио-то быть!»

Виктор Михайлович упомянул знаменитого итальянского художника периода так называемого Высокого Возрождения Антонио Аллегри, прозванного Корреджо по наименованию его родного города. Являясь современником великих Леонардо да Винчи, Рафаэля де Санти и Микеланджело Буонаротти, Корреджо не затерялся среди этих знаменитостей, а сказал своё слово в итальянском искусстве. Причём несколько не меньше, и очень заметное. «Искусство Корреджо, – отмечает исследователь, – заключается в себе нечто иное – не столько даже преждевременное утверждение качеств, свойственных позднему Возрождению, сколько предвосхищение – притом поразительное по определённости высказывания – новых художественных идей и приёмов, характерных для барочного искусства 17-18 столетий». Кисти Корреджо принадлежит фреска купола церкви Сан Джованни Эванджелиста в Парме, изображение Мадонны со святым Себастьяном, фреска Вознесения Марии на куполе Пармского собора. Совершенно очаровательной представляется его картина «Ночь», где показано торжество рождения Господа нашего Иисуса Христа. Высочайшее мастерство художника проявилось в работах «Мадонна со св. Георгием» и «Мадонна со св. Франциском». Общеизвестна картина Корреджо «Даная». И это лишь часть творческого наследия великого итальянца. Так что Васнецов не только удачно поиронизировал, но и показал отличное знание итальянской живописи, её шедевров и творцов.

«Здоровый критический ум, его честность перед собой, спасали Васнецова от обольщений. Он говорил как-то о себе, вспоминая судьбу Кукольника (Нестор Васильевич, русский писатель, живший в начале XIX века – В.Ц.): «Хорошо-то оно хорошо, но и Кукольник думал о себе, что он – Пушкин, да ошибся ... так Кукольником и остался, это помнить надо», – продолжал М.В.Нестеров. Виктор Михайлович всегда любил хорошую, добрую шутку, интересную остроумную беседу в дружеском кругу. «Как-то, помню, – вспоминает дальше Михаил Васильевич, – разбираясь в себе, шутя заметил Ковалевскому, что он, Виктор Михайлович, ни больше, ни меньше, как «неудавшийся грешник».

По поводу последнего можно уверенно сказать, что вряд ли мы найдём у кого-либо более тонкого подтрунивания над собой, чем-то, к которому прибегае Васнецов, потому что все мы грешны изначально и уже рождаемся с первородным грехом от праотцев Адама и Евы. Всё это превосходно знал и Виктор Михайлович, что и заложено в основу его иронии.

Но вернёмся к упомянутому выше художнику-баталисту. «Виктор Михайлович был тесно связан с П.О.Ковалевским во время работы над «Богатырями». Он часто прибегал за советами к опытному баталисту и тот много помог художнику в создании картины. В последующем по предложению В.М.Васнецова П.О.Ковалевский был приглашён профессором того батального класса, в котором когда-то так блестяще, с такими надеждами окончил императорскую Академию художеств».

К горькому сожалению, для В.М.Васнецова, как для истинно русского таланта-самородка, тёмных красок не жалели, а чернили и злословили его постоянно. Впрочем, той же «чести» удостоился великий наш композитор П.И.Чайковский, ещё раньше «солнце русской поэзии» А.С.Пушкин, до него травил М.В.Ломоносова, в наши дни порочили С.А.Есенина. И так с неизменным постоянством злобной обструкции подвергается почти каждый русский талант, что не удивительно в свете давно и последовательно реализуемых планов уничтожения русского национального самосознания.

Виктор Михайлович трудился над росписью Владимирского кафедрального собора долгие десять лет. Результаты этого труда были на-

столько впечатляюще, что говорили сами за себя и, как сказано, никого не оставляли равнодушным.

«Как-то Васнецов дал мне прочитать полученное из Франции письмо Третьякова. В нём Павел Михайлович отзывался о Владимирском соборе как об одном из самых вдохновенных по живописи новых храмов Европы...», – вспоминает всё тот же М.В.Нестеров. Внимательный и чуткий к талантам П.М.Третьяков сразу же выделил В.М.Васнецова из среды художников. И в то время, когда они поносили работы своего брата, он, не обращая никакого внимания на противников творчества Виктора Михайловича, преспокойненько скупал его работы. Нередко П.М.Третьяков буквально спасал В.М.Васнецова из трудного положения. Так, за десятилетний труд по росписи Киевского кафедрального собора он получил всего 40 тысяч рублей, которых не хватало на содержание семьи. Приобретение в это время Павлом Михайловичем широко известной картины художника «Иван-царевич на сером волке» выручило семью Васнецовых из трудной ситуации. Точно так же П.М.Третьяков, не взирая на бурные споры вокруг васнецовского «Грозного», купил картину ещё на Московской выставке. Выставленная после этого в Санкт-Петербурге, она уже была собственностью великого собирателя.

Кстати, проходя мимо васнецовского «Грозного», И.Е.Репин, запечатлевший на своём полотне на тему великого русского Царя историческую фальсификацию, ехидно спросил М.В.Нестерова, что у Государя в руке. И тут же вопросительно добавил: «Очки?». Михаил Васильевич ответил: «Лестовка». Хотя и без вопроса всё было ясно.

Всё тот же неутомимый П.М.Третьяков за двадцать восемь тысяч приобрёл для своей Галереи все соборные картины В.М.Васнецова. Интересно, что воздействие росписей Виктора Михайловича во Владимирском кафедральном соборе Киева было так велико, что приводило в восхищение всех, видевших их. «Однажды, помню, – свидетельствует М.В.Нестеров, – проездом через Киев, в собор попал художник Неврев. Осмотрев работы Васнецова, Неврев расплакался, стал целовать Виктора Михайловича и ушёл совершенно растроганный виденным!»

Да и сам Михаил Васильевич признаётся: «В первые месяцы соборных работ моё увлечение, больше того, преклонение перед талантом Васнецова дошло до зенита!»

19 августа 1896 года, вечером, во Владимирском соборе прошла первая всенощная или по простому «вечерняя» служба. Она длилась четыре часа. Внутреннее убранство величественного храма стало ещё краше в свете сотен свеч, впервые затепленных перед святыми образами. К этой красоте добавлялся превосходно певший хор Калишевского на клиросе, создавая свою совершенно особенную обстановку духовного праздника.

На следующее утро, 20 августа, в присутствии Его Императорского Величества, специально прибывшего в Киев на открытие храма, состоялось торжественное освящение нового собора. Чин освящения проводил сам Высокопреосвященнейший Иоанникий, Митрополит Киевский и Галицкий в сослужении множества архиереев и духовенства. Он завершился большим Крестным ходом вокруг собора во главе с Владыкой Иоанникием, Государём Императором Николаем II и множеством высоких гостей. По случаю этого замечательного события был дан праздничный обед и концерт, куда пригласили А.В.Прахова и В.М.Васнецова, как главных лиц при завершающих работах в соборе.

Кроме Абрамцевской церквушки и Киевского Владимирского кафедрального собора трудами В.М.Васнецова были украшены православный собор в Варшаве, Воскресенский храм в Санкт-Петербурге и церковь в городе Гусь-Хрустальный Владимирской губернии. Когда же М.В.Нестеров показал расписанную им церковь на Ордынке В.Д.Поленову и множеству других гостей, коих набралось человек сорок, В.М.Васнецов, тоже присутствовавший здесь же, был молчалив и задумчив. «Уходя, – вспоминал Михаил Васильевич, – он с грустью заметил,

что ему уже больше не писать церкви, а «Вы ещё поработаете!» – заключил Виктор Михайлович на прощание.

В.М.Васнецов очень не одобрительно относился к модернизму и напротив всегда охотно интересовался и поддерживал духовные темы, особенно написание святых икон и храмовую роспись. В Москве, посмотрев «Святую Русь» М.В.Нестерова, он нашёл картину интересной. Хвалил её и Ф.И.Шаляпин. В.И.Суриков же напротив отнёсся к этой работе Михаила Васильевича «явно недоброжелательно».

В.М.Васнецов особенно хвалил нестеровскую икону святой великомученицы Варвары, выполненную для Киевского собора. Он заметил, что созданный образ имеет в себе много «христианского». «Большой похвалы я от Виктора Михайловича, – признаётся художник, – не ждал!»

Такой же высокой оценки удостоились и другие работы М.В.Нестерова. «Иконостасы мои писались, – вспоминал он, – они вчерне были уже готовы. Однажды я показал Васнецову «Бориса и Глеба» (икону первых русских святых, братьев страстотерпцев – *В.Ц.*) и совершенно неожиданно получил похвалы, выходящие из обычных васнецовских похвал того времени. Васнецов нашёл, что оба образа производят исключительное впечатление, что разве только «Пустынник» стоит выше их, что это мои лучшие вещи в соборе, и просил меня запомнить, что, якобы, эти два образа будут шедеврами соборными, что в них много трагического, при общей элегичности, что здесь больше, чем когда-либо, приходится пожалеть о недостатках у меня строгой формы, что мне необходимо учиться отдельно рисовать, а что того, что есть у меня, ни учением, ни деньгами не купишь и т.д., и т. д. И я такую редкую похвалу Виктора Михайловича, помнится, «положил в особый ящик от обычных его похвал».

Ещё раньше В.М.Васнецов крепко поддержал М.В.Нестерова с его большой, пожалуй, главной в творческой жизни работой «Явление отроку Варфоломею», где художник прекрасно показал чудесный случай, имевший место в детские годы великого Печальника и Игумена Земли Русской Преподобного Сергия Радонежского, которого при рождении родители нарекли Варфоломеем. Это одна из самых крупных работ Михаила Васильевича, имевшая громадный успех и отмеченная государственными наградами. Сегодня она составляет классику русского живописного наследия. Но всё это пришло потом, много позднее, а тогда художник страшно волновался и был терзаем сомнениями. Особенно он волновался и нервничал во время первого показа знаменитого полотна на Передвижной выставке в Киеве в январе 1891 года. Чувствовал себя как на иголках, откровенно боялся.

Вот как М.В.Несторов сам рассказывает об этом: «Картину поставили на место, поставили хорошо, и у меня от души отлегло. Стали приходить художники, посылались похвалы. Увидел её и Васнецов, нашёл лучшей вещью выставки. Ну, тут меня как живой водой sprysнули, и я снова стал верить в своего «Варфоломея!»

Высокая духовность и прекрасное знание истории родного Отечества позволили Васнецову постигнуть суть личности благочестивейшего Царя Иоанна IV Васильевича Грозного, создателя русского централизованного государства с крепкой самодержавной властью. Правдивая кисть художника явила миру не бесовственно лживый карамзинский образ тирана и деспота, а смиренного и величественного Монарха-молитвенника со старообрядческой лестовкой в руке для счёта поклонов и молитв. Кстати, это очень многозначительная, если не центральная деталь в замечательной картине выдающегося мастера, потому что не только исподволь открывает для всех высокую духовную жизнь славного русского Царя, но и невольно относит нас к инициированному им историческому Стоглавому Поместному Собору Русской Православной Церкви 1551 года, где было узаконено двуперстие, которого по сей день строго придерживаются старообрядцы со своими лестовками.

«Шумливый и восторженный Фёдор Шаляпин, – писала Галина Башкирцева из АПН, – увидев как-то новую картину Васнецова «Царь Иван Васильевич», оказался под таким сильным впечатлением, что создал на сцене совершенно новый образ Ивана Васильевича Грозного и по внешнему и по внутреннему рисунку роли».

Тем же, как и В.М.Васнецов, стремлением к исторической правде руководствовались в сталинские годы крупные советские деятели театральной сцены, народные артисты СССР Н.К.Черкасов и Н.П.Хмельёв, игравшие роль великого русского Царя. Последний исполнял образ Государя Иоанна Васильевича в пьесе А.Н.Толстого «Трудные годы», написанной во время битвы за Москву 1941 года. «Иван Грозный в истолковании А.Н.Толстого был патриотом и реформатором, крупнейшим политическим деятелем старой России, отстаивавшим единство и национальную независимость русской земли!» Поэтому «Хмельёв увидел свою задачу в том, чтобы раскрыть образ Ивана как патриота, политического и государственного деятеля, строителя Русского государства». И это артисту удалось в полной мере: «Его Грозный был человеком гордого и могучего интеллекта, непоколебимой внутренней убеждённости. Это был исключительно талантливый и умный человек, блестящий полемист, первоклассный литератор и политический мыслитель»!

Прежде чем взяться за роль, где вопрос «шёл о сложности характера гениального человека, который взвалил на свои плечи судьбу родины и взял на себя тяжесть ответственности за судьбу людей, «за каждую слезу вдовью», Николай Павлович изучил всю литературу о Царе и его времени и объехал все места, где побывал Иоанн Васильевич, желая проникнуться духом времени и прикоснуться ко всему, чего касался Государь. Только это и обеспечило воплощение правды его образа. Не зря и В.Г.Белинский в своё время говорил, что Царь Иоанн Грозный был «душой энергической, глубокой, гигантской»!

Н.К.Черкасов, исключая хорошо известный художественный фильм о Царе, сыграл его роль на сцене в пьесе Владимира Соловьёва «Великий государь». Мнение Николая Константиновича, подкреплённое в феврале 1947 года личной встречей и беседой с И.В.Сталиным, было однозначным: «Грозный двигал историю России вперёд – следовательно, историческая правда на его стороне».

Подлинный образ великого Царя впитывался в те советские десятилетия всей огромной страной и только с недоброй памяти Н.С.Хрущёва его личность и дела стали грубо извращаться под предлогом мнимого культа личности И.В.Сталина, сфабрикованного фальсификаторами-хрущёвцами с троцкистской прожилкой.

Реалистичный портрет Государя Иоанна IV Васильевича Грозного, созданный В.М.Васнецовым, как и современный его живописный образ крупной работы художника Павла Рыженко, вместе со сценическим воплощением в театре и кино честными и талантливыми мастерами Н.К.Черкасовым и Н.П.Хмельёвым, очищает искреннего радетеля о благе России и её народов от злобной лжи и напраслины, упорно адресуемой первому Помозаннику Божию на Русском Троне и сегодня.

В.М.Васнецов плодотворно потрудились и в имеющей свою сложную специфику и особенности иллюстрации книг, где так же оставил заметный след выдающегося мастера. Он иллюстрировал многие детские книги – изданную в 1872 году «Народную азбуку» Н.П. Столпнянского; «Волгу» Н.А.Александрова 1874 года; юбилейное издание «Песни и Вещем Олеге» А.С.Пушкина 1899 года. Интересно, что последнее издание родилось под непосредственным влиянием идей творческого братства мамонтовского дома в Абрамцеве.

Иллюстрации столь крупного художника значительно обогатили издательское дело. Они представляют собой бесценный материал для исследователей и собратьев по творчеству В.М.Васнецова, подвизающихся

на этом трудном поприще. После суровой сцены поверженного опричника к «Песне про царя Ивана Васильевича... и купца Калашникова» М.Ю.Лермонтова невольную улыбку вызывает забавное и неуклюжее семейство медведей, шагающих среди высоких елей лесной чащобы в картинке Виктора Михайловича к сказке Л.Н.Толстого «Три медведя». Эти маленькие шедевры великого художника ещё многие годы будут украшать бесчисленные издания замечательных книг.

Не обошла его стороной и общественная деятельность, потому что авторитет художника был велик, а слово – весомо. Он входил во многие, инициативно создаваемые организации того времени, куда его постоянно приглашали: Виктор Михайлович входил в Комиссию по реставрации Храма Христа Спасителя, где погибала настенная роспись. Кроме того он занимался во временной особой Комиссии по изучению возможности пуска трамвайного движения через Красную площадь, против чего активно возражали деятели культуры. Художник симпатизировал Союзу Русского Народа, по заказу которого участвовал в написании святой иконы Покрова Пресвятой Богородицы и был членом редакционной Комиссии «Книги русской скорби».

Не чуждался В.М.Васнецов участия и в разовых акциях своих коллег по творчеству. Здесь достаточно привести лишь один показательный случай: «...осенью 1899 года придворная интрига привела С.И.Мамонтова на скамью подсудимых и разорила его. Чтобы поддержать своего давнего благодетеля в трудные времена группа известных художников вместе с В.М.Васнецовым в следующем 1900-м году обратилась к «опальному» деятелю с письмом, где говорилось: «Провозглашаем тебе честь и славу за всё хорошее, внесённое тобою в родное искусство». Под этими словами вместе с Виктором Михайловичем подписались: В.Д.Поленов, И.Е.Репин, М.М.Антокольский, В.И.Суриков, В.А.Серов, А.М.Васнецов, К.А.Коровин, М.А.Врубель, И.И.Левитан и Н.А.Римский-Корсаков.

Слова признательности Савве Ивановичу Мамонтову подписал и младший брат Виктора Михайловича, Аполлинарий, который перед этим немного учительствовал недалеко от родной Вятки. Он так же входил в числе постоянных обитателей мамонтовского дома в Абрамцеве, где свободное общение с множеством талантов стало отличной школой его профессионального мастерства. Дебют Аполлинария Михайловича, как художника, с живописным пейзажем «Серый денёк» состоялся на Передвижной выставке в 1883 году. Любви к пейзажам добавлялся тяга к старинному зодчеству. Поэтому Аполлинарий Михайлович уделял много внимания разнообразной исследовательской работе, писательскому труду. Во многом благодаря этим интересам, отличавшимся известной глубиной, А.М.Васнецов становится в 1900 году членом Комиссии по сохранению древних памятников. Уже через год его избирают членом-корреспондентом, а в 1906-м действительным членом Московского археологического общества. Увлекательная деятельность младшего Васнецова в этом направлении не прекратилась и после революции. С 1918 года он возглавил специальную Комиссию по изучению старой Москвы. На воздвигнутом от правительства надгробном памятнике коротко отражены все жизненные интересы и труды А.М.Васнецова: «Художнику, историку, мыслителю».

Будучи неразлучны в жизни, два родных брата, оба академики живописи, и сейчас вместе: прах их покоится на Введенском кладбище Москвы. Виктор Михайлович умер на семь лет раньше младшего брата, 23 июля 1926 года, в почёте и славе великого русского живописца, исполненный от Бога долготы дней: ему было 78 лет.

Вот какие удивительные русские самородки вышли из Вятской глубинки! Конечно, выдающийся талант старшего брата заслонял собой всё и постоянно был на виду. Ему и надо было появиться в Вятской глухомани, где в необозримую зелёную даль уходит бескрайняя тайга. Только там, с детства ограждённым от развращённого светского общества

больших городов с офранцузившейся знатью, и можно было впитать в себя живительный русский дух, явственно проступающий из-за нетронутой паутины лесного валежника, в неслышном течении неприметной речушки, в шири заливных лугов с их красочным цветочным морем.

«Виктор Михайлович Васнецов был истинным художником, и никем и ничем иным быть он не мог, – отзывался о старшем собрате М.В.Нестеров. – Он прожил хорошую, честную, трудовую жизнь...», «... то, что оставил нам Васнецов в наследство, не всякому удаётся оставить. Наследство это ещё не раз будет в корне пересмотрено, и я верю, что Родина наша, столь беззаветно им любимая, ещё много раз помянет его добрым словом своим...!»!

И, наверно, очень символично, что главная святыня России Владимирская икона Божией Матери до времени хранится в спроектированной В.М.Васнецовым Третьяковской Галерее, терпеливо ожидая своего часа. Он, несомненно, настанет, как это уже было в 1395 году.

Март 2008 года. Великий пост

ЛИТЕРАТУРА:

1. М.В.Нестеров «Давние годы». Воспоминания, очерки, письма. Серия «Золотые родники». Башкирское книжное издательство. Уфа. 1986.
2. А.Турков «Исаак Ильич Левитан». Серия «Жизнь в искусстве». «Искусство». Москва. 1974.
3. Г.Островский «Рассказ о русской живописи». «Изобразительное искусство». Москва. 1987.
4. Борис Пророков «О времени и о себе». Издательство «Изобразительное искусство». Москва. 1979.
5. Е.И.Ротенберг «Искусство Италии». Средняя Италия в период Высокого Возрождения. Серия «Очерки истории и теории изобразительных искусств». Издательство «Искусство». Москва. 1974.
6. Н. Моргунов, Н. Моргунова-Рудницкая «Виктор Михайлович Васнецов». Жизнь и творчество. Москва. 1962.
7. Е. Киселёва «В.А.Гиляровский и Художники». «Художник РСФСР». Ленинград. 1961.
8. Семён Чуйков «Заметки художника». Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва. 1962.
9. Художественный календарь сто памятных дат 1976 года. Ежегодное иллюстрированное издание. Издательство «Советский художник». Москва. 1975.
10. «КНИГОВЕДЕНИЕ». Энциклопедический словарь. Издательство «Советская энциклопедия». 1982.
11. Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. Издательство «Художник РСФСР». Ленинград. 1983.
12. Ник. Соколов «Наброски по памяти». Издательство «Искусство». Москва. 1987.
13. Р.Я.Аболина «Советское искусство периода Гражданской войны и первых лет строительства социализма». Издание Научно-Исследовательского Института теории и истории изобразительных искусств. Издательство Академии Художеств СССР. Москва. 1962.
14. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Издательство «Советская энциклопедия». Москва. 1983.
15. Н.К.Черкасов «Записки советского актёра». Государственное издательство «Искусство». Москва. 1953.
16. Павел Новицкий «Хмелёв». «Искусство». Москва. 1964.
17. М. Артамонов «Московский некрополь». «Столица», Москва. 1996.
18. Я. Гринвальд «Русский богатырь Иван Поддубный». Издание 2-е. Государственное издательство «Физкультура и спорт». Москва – Ленинград. 1948.
19. «Горьковская правда» от воскресенья, 25 августа 1963 года.